

7. Vorkachev, S. (2004). *Happiness as a linguistic culture concept*. Moscow: ITDGK "Gnosis" (in Russ.)
8. Radyvylovskiy, A. (1688). *The Crown of Christ*. Kyiv: Typography of Kiev-Pechersk Lavra (in Ukr.)
9. Radyvylovskiy, A. (1671). *Ohorodok, I, I*. Kyiv: Manuscript (in Ukr.)
10. Radyvylovskiy, A. (1676). *Ohorodok*. Kyiv: Typography of Kiev-Pechersk Lavra (in Ukr.)
11. Radyvylovskiy, A. (1688). *The Crown of Christ, 2*. Kyiv: Manuscript. (in Ukr.)

SPIVAK Volodymyr Vasyliovych,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Postdoctoral student,
Tchaikovsky National Music Academy of Ukraine,
e-mail: vova3006@ukr.net

THE VISION OF "BLISS" AS A TYPE OF HAPPINESS IN ANTONIY RADIVILOVSKIY'S HOMILETICS

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the research of visions about bliss as a type of happiness in the homiletics heritage of Antony Radivilovskiy. This topic is an integral part of moral-ethical teaching of Ukrainian thinkers of baroque epoch. The research of it should give us more solid vision about moral philosophical part of Ukrainian spiritual culture of the 2d half of the 17th century. *Purpose.* The purpose of our research is the analysis of interpretation specifics of the bliss concept in the Antony Radivilovskiy's homiletics heritage. *Methods.* Methodological framework of the research are general scientific methods of analysis and synthesis, contextual and genetic approaches, hermeneutic method. *Results.* It was established that three aspects of understanding of bliss defined by Church Fathers were reflected in the work of Antony Radivilovskiy: edenic, heavenly and earthly. Repeating these ideas, Antony Radivilovskiy tries to give them the freshness of sound and form by adding his own thoughts to them and giving them ideas borrowed from antique tradition. Antony Radivilovskiy divides the idea of people's chosenness for the blessed life on earthly and heavenly, however he doesn't accept fatalistic understanding of it, establishing an active role of people in achieving the bliss. *Originality.* For the first time, the vision of Ukrainian Church thinkers of the baroque epoch about bliss as a type of happiness was researched, taking texts of Antony Radivilovskiy as an example. *Conclusion.* We can observe the process of forming of moral-ethical paradigm of Ukrainian spiritual culture of the baroque epoch, taking visions of Antony Radivilovskiy about bliss as an example. The research of the visions of Antony Radivilovskiy about bliss showed the potential of further study of integral parts of the general happy life concept.

Key words: *Ukrainian philosophy, happiness, bliss, baroque, homiletics.*

Одержано редакцією 12.03.2017
Прийнято до публікації 07.06.2017

УДК 111.1 (09)

БОРИСОВА Татьяна Викторовна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и политологии
Днепропетровской национальной
металлургической академии Украины,
e-mail: tborisova78@mail.ru

МЕТАФИЗИКА «УМИРАНИЯ» В РАБОТЕ Л. КАРСАВИНА «ПОЭМА О СМЕРТИ»

Центральной проблемой метафизических размышлений является вопрос о природе и сущности феномена смерти. Определение ее онтологического, гносеологического, феноменологического, аксиологического и культурологического статуса делает возможным связать этот феномен со всеми важными трансцендентными и имманентными аспектами бытия индивида. Установлена связь «метафизики умирания» с вопросами творчества, страха, Бога, любви, трагедии и греха. Определено, что богословское измерение проблемы смерти в работах русского мыслителя выявляет специфику

личностного духовно-практического опыта автора в раздумьях на тему бытия и небытия. Христианский взгляд на проблему смерти у Л. Карсавина излагается в контексте скорее онтологической, чем аксиологической дихотомии добро-зло. Стилизация философской рефлексии на тему смерти в русле поэтического изложения материала дала возможность автору избежать субъективного психологизма и раскрыть мистические горизонты исследуемой проблемы.

Ключевые слова: смерть, бытие, трагедия, Бог, творчество, страх, боль, любовь, грех, зло.

Постановка проблемы. Удивительно, но некая тайна философской метафизики у русского мыслителя Л. Карсавина находит свое разрешение в размышлениях о таинстве смерти. Это важный посыл нашего анализа. Касательно предметного поля нашего исследования следует отметить, что обширность этой темы допускает раскрытие вопроса в рамках данной статьи лишь очерчиванием смысловых горизонтов проблемы смерти в работе Л. Карсавина.

Целью нашего исследования выступает анализ образа метафизики «умирания» в работе Л. Карсавина «Поэма о смерти». Основная задача данной работы заключается в том, чтобы указать основные позиции русского мыслителя в понимании «смерти» через призму философско-поэтического и религиозного измерений.

Анализ последних исследований и публикаций. Раскрывают современное звучание и актуальность философского наследия Л. Карсавина исследователи наших дней. Среди наиболее активных следует отметить Ю. Мелиха, С. Хоружего, А. Польского, И. Евлампиева, Е. Родина и других.

Знакомство с работой Л. Карсавина настраивает нас по-новому посмотреть на уже знакомые мотивы философской рефлексии русского мыслителя XX века. Следует признать, что за последние годы в сфере историко-философских исследований многие авторы брались за рассмотрение вопросов смерти, но даже в этом полифоническом многообразии предпринятая Л. Карсавиным попытка обращения к анализу этого вопроса смотрится философски выпукло и оригинально.

Изложение основного материала. Помня о том, что избранный нами для исследования русский мыслитель относится к русскому религиозно-философскому течению, следует воспринимать его работы в контексте православной культуры мышления.

Проблема смерти и бессмертия имеет множество аспектов. Она имеет биологические, социально-культурные и мировоззренческие измерения. Биологическая смерть не является абсолютным отрицанием жизни, потому и выходит, что культурно-философские срезы вопроса о смерти не совпадают с биологическими.

«Поэма о смерти» Л. Карсавина своей центральной проблемой избирает некое самоистолкование метафизики. Философ рисует ее портрет, обрамляя вопросами смерти, драмы, тоски, страдания. Однако по своему духу и содержательному смыслу работа не угнетает читателя пессимизмом, она довольно оптимистична, по-христиански оптимистична. В этом, на наш взгляд, и заключается один из ее парадоксов. Взяв за основу несколько игривый жанр общения с читателем, делая ссылки на идеи Аристотеля относительно самой метафизики и толкования категорий, автор сохраняет строгость и трезвость мысли православного христианина. Отметим, что далеко не всем философам этого направления удавалось сочетать авторскую оригинальность подачи материала с традиционной картиной христианского мировоззрения. Как правило, на этом пути философ может впасть в субъективный идеализм, теософский мистицизм, эсхатологический персонализм и другие отклонения. В этом Л. Карсавин верен себе, чувствуя по ритму истории трансформации в метафизических измерениях человека философским сообществом XX века.

В рассматриваемой нами работе Л. Карсавина прослеживается тот факт, что автор выбрал не навязчивый стиль изложения мыслей и при этом нисколько не отказывается от онто-гносеологической полноты мыслей. Философу вообще было свойственно созерцать саму жизнь под знаком вечности, а не необходимости. И это определяет доброжелательный и жизнеутверждающий характер философского осмысления феномена смерти у Л. Карсавина. Так как о ней говорил русский мыслитель – мало кто говорил в истории философии.

Прежде должно очертить горизонт основных проблемных моментов этого феномена, что были затронуты и выражены метафизическим анализом русского мыслителя. Мы имеем в виду такие как:

- постановка проблемы смерти как поэмы и ее драматические акценты;
- анализ понятия «смертная тоска» и ее экзистенциальные характеристики;
- вопросы соотносительности понятия «вечность» с понятиями «жизнь», «смерть», «тоска», «хандра», «любовь», «мука», «страх», «боль»;
- проблема душевных мук и страдания героя и обыкновенного человека;
- философское обоснование поэтического творчества;
- установление взаимосвязи между поэзией и метафизикой;
- трагичный и оптимистичный характер самой философской метафизики;
- о «безмолвной муке» творчества;
- поиски смыслообразующих основ человеческого бессмертия;
- выявление пошлости и пессимизма в человеческом творчестве;
- метафизические измерения человеческого бытия в категориях «Я-прошлый» и «Я-настоящий»;
- проблема сопоставления творческих мук актера и мыслителя-метафизика;
- раскрытие экзистенциальных аспектов человеческого одиночества (одинокое умирания человека), пустоты и праздности человеческих желаний;
- созидательная и развращающая роль разума в личности и истории культуры;
- проблема осознания телесного тления и вечного бытия души;
- постулирование понятия «боль» как условие сочувствия к себе и другим.

Над всеми этими философскими артикуляциями Л. Карсавина довлеет его фундаментальная онто-гносеологическая установка о всеединстве и теофании. Помня об этом, следует признать, что в данной работе мыслителя нам трудно понять его до конца. Возможно в силу иносказательности и символизма языка его философских конструкций. Вместе с тем, мы не находим в его размышлениях наслоения интерсубъективных смыслов, как к примеру это имело место в творческом наследии М. Бахтина. Это скорее ближе к паскалевой «Гефсиманской ночи», когда разум узревает собственную метафизику, очерчивает границы своих возможностей, внимает себе и слышит там «теофанию» (присутствие Бога).

Вот и выходит, что работу Л. Карсавина «Поэма о смерти» осмыслить буквальным прочтением не представляется для нас возможным. Прямое же провозглашение того, что истинно и справедливо, является недостаточным для Л. Карсавина. Наше реалистичное толкование этого текста работы будет весьма ограниченным и только поэтично-художественное изложение метафизики «смерти» дает возможность увидеть основные задумки его автора.

Жизнеутверждающий мотив этой работы обнаруживает себя в самом уже обращении Л. Карсавина к метафизике как способу осмысления великой тайны жизни – смерти. Вместе с тем, по мнению русского философа, всей онтологической и экзистенциальной полноты бытия человека язык метафизики так же не способен ни выразить, ни охватить собой. Сокрушаясь по этому поводу, мыслитель отмечает: «Метафизик – древний-древний старец. Величавой волною сбегает его седая борода. Но слаб он и зябок: солнечным лучам не согреть его желтых, прозрачных рук. Он знает смысл исчезающей жизни; знает цену всякому горю и место всякой радости. Но для него нет уже ни радости, ни горя; и светлая, как холодный прозрачный родник, грусть останавливается в его выпцветших глазах. Он всю жизнь превратил в стройную мысль, все понял. Но где это все, если он уже не живет?» [1; с. 461].

Много трагизма и драматической патетики в изложении его мыслей. Однако стоит отметить, что преодолеваются они самим же автором приравнением трагизма обыденной действительностью жизни человека: «Но ведь все это – сама жизнь. К чему же бессмысленную действительность называть совсем не подобающим ей именем? Ибо трагедия не действительность, а – жизнь, уже преображенная поэзией. Трагическая поэма – вещий сон поэта и метафизика о преображенной жизни. Она просветляет, ибо говорит о том,

чем должна быть наша жизнь и что она в таинственном своем существе уже есть. Зло и бессмыслица еще не трагедия. Гибель в них добра и смысла еще не трагедия. Трагичен лишь катарсис – очищение и оправдание зла (не добро же надо оправдывать!) в умерщвляемом им добре, осмысление бессмыслицы в убиваемом ею смысле» [1; с. 461].

Нам трудно тут согласиться со словами Л. Карсавина об очистительной силе катарсиса. Причин несогласия с ним в этом несколько. Одна из них кроется в сущностном понимании самого «зла». Оно вообще не может быть мыслимо с позиций оправдания, поскольку ни человек, ни оно само по себе не нуждаются в оправдании. Вспоминаются слова В. Вейдле о рассуждениях, об искусстве, что даже не осознанное зло не перестает быть для человека злом, а творческая личность не может этого не видеть. Однако, более важной причиной отказаться от идеи об очистительной роли катарсиса мы считаем, что само зло не упраздняется никакими культурологическими и поэтическими попытками его оправдания.

Не следует забывать, что сам Л. Карсавин считал себя православным христианином и проблема трагического в свете этого обстоятельства его мировоззрения осмысливается в особенной интерпретации. Трудно дать определение «трагическое» в христианском его понимании. Страдания исчезают для того, кто видит в них способ достижения блаженства в раю. Возможно, Г. Лессинг был прав в том, что настоящей трагедии, заслуживающей названия христианской, еще придется подождать человечеству. Можно лишь предположить, что драматическая развязка всех смысловых горизонтов человечества перенесена на конец самой истории.

Л. Карсавин признает, что многие аспекты переживания страданий, мук и умирания даже для самой человеческой души до конца не выразимы. Философ убежден, что великая и настоящая мука не выразима, потому как она безмолвна. Ее никаким словом не высказать и никаким криком не выкричать. Многие европейские мыслители сходились в яростных и громких спорах вокруг этой темы, столь привлекательной для одних и отталкивающей для других, вопроса о жизни и смерти духа человеческого. Важно отметить, что все споры вокруг этого вопроса всегда останутся спорами по сути своей религиозными. Поскольку научно-рационально и философски-теоретически эту тему во всей ее онто-гносеологической полноте не раскрыть.

Работа «Поэма о смерти» несколько противоречива и для самого автора, возможно по этой причине он не ссылается в ней на идеи Отцов Церкви, что делал в большинстве своих других философских трудов.

Интересна и сама постановка вопроса о смерти через призму поэзии. Такая субъективная образность литературного стиля и стиля мышления Л. Карсавина иногда вырождается в психологический аффект. Взяв ориентацию на иносказательность, философ в этом своем произведении иногда уходит в мифологические, космополитические и пантеистические области. Вследствие чего строгость христианского мирозерцания размывается и в этих разветвлениях сами рассуждения просто онтологически мельчают.

В тексте произведения много самоироничного и желчного сарказма. Хотя не стоит в этом видеть схожесть с творческим наследием Н. Гоголя – о «видимом миру смехе сквозь невидимые миру слезы». Нет этого у Л. Карсавина. Он не высмеивает пессимизм и пошлость. Они ему нужны для другого – раскрыть проблему человеческого эгоцентризма, что проявляет себя в муках, сомнениях и умирании тела. Усиливает этот момент философ отождествлением всей рассудочной деятельности ума с тотальным сомнением. Отметим, что в этом сходство с «сомнением» Р. Декарта лишь внешнее. Для ума в размышлениях Л. Карсавина была отведена иная миссия: «Разум высмеивает все, даже себя самого, бесстрастно убивает всякое желание. В царстве разума все распадается, рассеивается; и он один, холодный, скользит, как змей, в облаке праха. Ибо разум и есть тот самый древний змий, который хитрыми и гибкими, как его извивающееся тело, словами обманул светловолосую Еву, а цветущий рай превратил в безводную пустыню. Он не смотрит на небо и не видит неба, хотя небо в нем отражается: он пресмыкается. Ему недоступно живое: все он должен сначала умертвить. Он питается прахом, древо жизни делает деревом познания и смерти» [1; с. 470].

Такими своими крайностями русский философ доводит пессимизм в его иррациональной трактовке до абсурда. Примером тому могут служить его вопросы типа «как может умереть живущая смерть?» или «есть ли в аду такое же время?» У Л. Карсавина наблюдаем довольно «густые экзистенциальные краски» метафизической картины смерти, где ад и слуги его тоскуют по Богу.

Бесспорно, мысль о смерти наталкивает человека не только на размышления о жизни в вечности, но и о прошлом земной жизни, уже прожитом и пережитом перед порогом этой вечности. Как экзистенциалист, пусть и не совсем последовательный, Л. Карсавин демонстрирует, таким образом, как прошлое может мучить человеческую душу – еще при жизни умерщвляя ее, делать из человека живую мумию. И происходит это не по причине крайней драматичности человеческой судьбы в прошлом, а в силу немоги и бессилия, что являют себя в эгоцентризме. Желание преодолеть его еще тут и сейчас (в земной жизни) накаляют градус такого напряжения души.

В свое время близко к обсуждению этой темы подошел и А. Камю с идеей об «абсурде». Как и выше упомянутый французский философ, Л. Карсавин пытается занять безопасную дистанцию по отношению к эгоистичному образу человека (у А. Камю это философский нигилист). Цель такого приема – показать его безысходность и положение по отношению к миру, Богу и другим человеческим Я.

В этих философских инсталляциях русского мыслителя прослеживается идея о том, что падшество человека перед лицом смерти вовсе не является последним и абсолютным его состоянием. Наоборот, предельное падение «на дно» греховного способа бытия, осознаваемое и переживаемое духовно-творчески, а не просто творчески и свободно – уже есть источник великой жизненной мощи, возрождения из пепла отчаяния и мук. Как философ, что пытается быть богословом, Л. Карсавин понимает, что философская антропология богословию не нужна, она нужна, прежде всего, самой философии.

Эгоцентричная личность в философии русского мыслителя дерзит, искажая идею теодицеи: «Мог ли я подозревать, что Бог, говоривший со мною, как старый добрый Отец, из-за маленькой неосторожности сразу же впадет в ярость, выгонит меня из рая, а из всех Своих даров оставит мне вечность, которая для меня будет вечною мукой? Всезнающий должен был это предвидеть. Объявивший Себя Любовью должен был меня пожалеть. А если хотел Он быть только справедливым, так должен сообразить, что кара не пропорциональна вине. – Дал Он мне жизнь, а я согрешил. Ну, отбери ее назад! умертви меня, верни в небытие! Смерть легче Твоей вечности» [1; с. 484].

Возникает естественный вопрос: зачем нужны Л. Карсавину такие «экзистенциальные карикатуры»? Зачем он на странице своей работы призывает их к жизни и множит? Думается нам, что в такой способ он словно смеется над гримасой смерти, которую она способна скорчить для человеческой души. Поднимая этим проблему свободы, русский философ постепенно выводит ее за рамки позитивной религиозности. Стоит ли опасаться такой иронии Л. Карсавина? Наш ответ – нет. Тем более, что в истории культуры после Ф. Ницше и на его философском фоне они скромны и малозаметны.

Довольно интересны также философские аллюзии Л. Карсавина об ушедшем в прошлое человечества (и каждого из нас) рая. И пусть философ говорит о смутном воспоминании чувств души о рае в контексте актуального бытия уже падшего человека – сам рай, как форма и способ бытия первых людей для мыслителя приобретает дополнительные метафизические и экзистенциальные измерения нынешней жизни.

Очевиден и тот факт, что в своей работе русский мыслитель при всяком удобном случае пытается культурологически сопрягать понятия «метафизика» и «поэзия», представляя их взаимосвязанными явлениями самой живой ткани бытия. Подобный подход к поэтическому творчеству, к поэзии как виду искусства и сферы культурного пространства сложно назвать академическим. Он не выглядит, на наш взгляд, таким даже беря во внимание тот факт, что русский философ рассуждает на тему с оглядкой на работы самого

Аристотеля. Более того, такие категории как «драма», «трагедия» осмысливаются Л. Карсавиным не как эстетические. Однако и религиозными их в его интерпретации трудно назвать. Можно пуститься в поиски причин такому изложению этих понятий. Наиболее убедительной среди них может заключаться в ярко выраженном субъективном сентиментализме русского философа в изложении этого вопроса. Через художественный сентиментализм мыслитель словно пытается расширить горизонты своих размышлений о бытии и смерти, придавая им аксиологические компоненты.

Выводы. Подводя итоги нашего анализа, приходим к заключению о самых интересных аспектах в метафизических размышлениях о смерти Л. Карсавина.

1. Особый интерес вызывают в работе русского исследователя способы отображения метафизических капризов личности в размышлениях о смерти. Они очередной раз подчеркивают смертную природу человека. Л. Карсавину понятна логика богоотступника. Суть ее в следующем: небытие по смерти не может отличаться от небытия до рождения, а следовательно, не может быть обидней второго. Победа над страхом смерти в этом случае довольно условная и сомнительная: бесконечность до меня не ужаснее бесконечности после меня.

2. Следует выделить тот факт, что данная работа мыслителя по своему содержанию и стилистике отличается от иных его работ. Особенность всего философского наследия Л. Карсавина заключается в том, что он созерцал мир жизни, обращаясь к своему субъективному духовно-практическому опыту, к своему своеобразному восприятию бытия и небытия (смерти). Это позволяет сделать вывод о том, что художественно-концептуальное оформление вопросов метафизики смерти в работе русского философа – это мера измерения всего смыслового поля культуры.

3. В завершающей части произведения «Поэма о смерти» для Л. Карсавина все споры упраздняются и побеждаются любовью и искупительной жертвой Христа. Любовью, что предполагает не только единство, но и свободную волю Бога и человека, поскольку ее цель не во взаимном уподоблении, а во взаимном раскрытии.

4. «Метафизический слепок» смерти в размышлениях Л. Карсавина позволяет нам утверждать, что русский мыслитель не кажется нам растерянным наследником христианской культуры мышления. Философское и поэтическое внимание к проблеме смерти усиливает эсхатологические основы всей религиозно-философской картины мира, в которой все люди умирают, но далеко не все живут истинной жизнью.

Список использованной литературы

1. Карсавин Л. Поэма о смерти / Л. Карсавин // Путь православия. – М.: Издательство «АСТ», 2003. – С. 455-528.
2. Вейдле В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества / В. Вейдле // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Политиздат, 1991. – С. 268-292.
3. Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII-XX веках. Монография / М. М. Дунаев. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. – 539 с.
4. Брянчанинов И. Слово о смерти / И. Брянчанинов // Брянчанинов И. Сочинения в 5-и т. – СПб.: Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1886. – Т. 3. – С. 69-186.
5. Кримский С. Запити філософських смислів / С. Кримський. – К.: ПАРАПАН, 2003. – 240 с.
6. Мелих Ю., Хоружий С. Философия Карсавина в Серебряном веке и в наши дни / Ю. Мелих, С. Хоружий // Вопросы философии. – 2013. – №4. – С. 76-87.
7. Ропшин Н. Тоска по смерти / Н. Ропшин // Свобода и культура. – 1906. – № 7. – С. 475-482.
8. Холопов И. Религиозный индивидуализм и догматы / И. Холопов // Вопросы философии и психологии. – М., 1912. – Кн. 113 (III). – С. 373-417.
9. Шохин В. Теология. Введение в богословские дисциплины / В. Шохин. – М.: ИФРАН, 2002. – 122 с.
10. Янкелевич В. Смерть / В. Янкелевич. – М.: Из-во Литературного института, 1999. – 448 с.

References

1. Karsavin, L. (2003). Poem about death. *The way of Orthodoxy*, 455-528. Moscow: Publishing House "AST" (in Russ.)
2. Vejdle, V. (1991). The dying of arts. *Reflection about the fate of literary and artistic work. Consciousness of the European culture of XXth century: Thinkers and writers of the West about the place of culture in modern society*, 268-292. Moscow: Politizdat (in Russ.)

3. Dunaev, M. M. (2003). *The belief in the hearth of doubts: Orthodoxy and Russian literature in XVII-XX centuries*. Moscow: Publishing Council of Russian Orthodox Church (in Russ.)
4. Brjanchaninov, I. (1886). Word about death. *Works*, 3, 69-186. S.-Petersburg (in Russ.)
5. Krymskij, S. (2003). *Queries of philosophical senses*. Kyiv: PARAPAN (in Ukr.)
6. Melih, Ju., Horuzhij, S. (2013). Philosophy of Karsavin in the Silver age and in our days. *Voprosy filosofii (The questions of philosophy)*, 4, 76-87 (in Russ.)
7. Ropshin, N. (1906). Melancholy on death. *Svoboda i kul'tura (Freedom and culture)*, 7, 475-482 (in Russ.)
8. Holopov, I. (1912). Religious individualism and dogmas. *Voprosy filosofii i psihologii (The questions of philosophy and psychology)*, 113 (III), 373-417 (in Russ.)
9. Shohin, V. (2002). *Theology. Introduction to theological disciplines*. Moscow: IFRAN (in Russ.)
10. Jankelevich, V. (1999). *The dearth*. Moscow: Literary institute publishing house (in Russ.)

BORISOVA Tatyana Viktorovna,
Candidate of Sciences (Philosophy),
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Political Studies,
National Metallurgical Academy of Ukraine,
e-mail: tborisova78@mail.ru

"DYING METAPHYSICS" IN L. KARSAVIN'S "POEM ABOUT DEATH"

Abstract. *Introduction. The main problem of this research is a question of the metaphysical measuring of the phenomenon of death in creative heritage of L. Karsavin. The purpose is to expose life, cognitive, cultural and existential status of the phenomenon of death in the Christian culture of thinking of the Russian philosopher. Methods. A few methods and receptions of research of the phenomenon of death were simultaneously used in-process. Foremost, the question is about phenomenological, hermeneutics and comparative analysis. Results. The problem of death in philosophical anthropology for a thinker was transformed in the problem of the metaphysical measuring of all human life. A question about metaphysics of death became to the questions of plenitude of cognition of all personality life. Cognition of essence and nature of death is this motion of idea of man against animal fear before her. Originality. It was set during an analysis, that the attempt of the Russian thinker to expose metaphysical nature of death of man destroys an analysis in the sphere of Christian mysticism and moral divinity. Circumstance that death is one of not many fundamental categories of culture, grounds to suppose that she is able to find the value for a man only together with self-knowledge and cognition of God. Conclusion. The metaphysical comprehension of problem of the phenomenon of death must be examined in the context of questions of life and nonexistence. The questions of death and life lined up by a scientist in the context of comprehension of all semantic field of culture. In the cultural prospect all questions of the metaphysical measuring of the phenomenon of death for the Russian philosopher stand rather the article of theology than philosophy.*

Key words: death, being, tragedy, God, creativity, fear, pain, love, sin, evil.

Анотація. *Борисова Т. В. Метафізика «вмирання» в роботі Л. Карсавіна «Поєма про смерть». Центральною проблемою метафізичних розмислі постає природа та сутність феномену смерті. Визначення її онтологічного, гносеологічного, феноменологічного, аксіологічного та культурологічного статусу дає змогу пов'язати цей феномен з усіма важливими трансцендентними та іманентними аспектами буття індивіда. Встановлений зв'язок «метафізики вмирання» з питаннями творчості, страху, Бога, любові, трагедії та гріха. Богословський вимір проблеми смерті у роздумах російського мислителя виявляє не приховану суб'єктивність особистого духовно-практичного досвіду автора у міркуваннях на тему буття та небуття. Християнський погляд на проблему смерті у Л. Карсавіна викладається у контексті скоріше онтологічної, а не аксіологічної дихотомії добро-зло. Стилізація філософської рефлексії на тему смерті у руслі поетичного викладення матеріалу дало змогу автору уникнути суб'єктивного психологізму та розкрити містичні горизонти самої проблеми.*

Ключові слова: смерть, буття, трагедія, Бог, творчість, страх, біль, любов, гріх, зло.

Одержано редакцією 22.03.2017
Прийнято до публікації 07.06.2017